

ПСИХОЛОГИЯ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ¹

Б.С. БРАТУСЬ

Отзываясь на текст митрополита Сурожского Антония, посвященный соотношению психологии и духовного опыта, автор размышляет об этом соотношении и взаимовлиянии в двух аспектах. Во-первых, он говорит о вере как общепсихологическом феномене, фундаментальном факте функционирования человеческой психики. Во-вторых, подчеркивает принципиальное различие научного и богословского уровня познания, а также необходимость иерархичности этих уровней. Присущий науке методологический принцип исключения трансцендентного создает заведомые ограничения, неабсолютность объективности науки. Наука для ученого, по мнению автора, лишь путь приближения к чему-то большему, чем сами по себе силы природы, законы развития народов и людей, если воспользоваться формулой владыки Антония, «наука есть познание Творца путем познания Его творения».

Ключевые слова: вера, творение, психология, объективность, наука.

Дорогие братья и сестры! Благодарю искренне за приглашение выступить с докладом на семинаре, посвященном изучению наследия митрополита Антония Сурожского. Я не имел счастья и жизненной удачи лично встретиться с владыкой, но, как и для многих тысяч верующих, владыка для меня глубоко личный собеседник, наставник, святитель. Его творения сочетают, казалось бы, трудно сочетаемое: с одной стороны, необыкновенную богословскую глубину, а с другой — простоту и доверительность изложения. Владыка нигде не прячет себя как личность, как человека, не заслоняется словами и поучениями, но прямо выходит к тебе (именно к тебе) навстречу, говоря о своих открытиях и промахах, иногда подшучивает над собой, словом, беседует с тобой как настоящий искренний друг, старший брат, а не надмевающий наставник. Поэтому выступить здесь сегодня в его светлую память — для меня особая честь и радость.

¹ Выступление на семинаре «Цельность человека: дух, душа, тело», посвященном наследию Митрополита Антония Сурожского (Библиотека Русского Зарубежья, 12.05.2008). Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 07-06-00515.

Название доклада — «Психология и духовный опыт». Название это не мое, я бы никогда не решился выступить и всем объяснить, что такое психология, и что такое духовная практика. Это название той статьи владыки, которая легла в основание нашего сегодняшнего семинара. Подозреваю, что и здесь название было дано уже позже и не самим владыкой, ведь это, как почти все наследие владыки, не письменное сочинение, а устная речь, записанная и затем уже напечатанная. В данном случае перед нами текст его выступления на заседании лондонского психоаналитического общества, в самом, можно сказать, логове богопротивных психологов. Мой скромный комментарий к этому замечательному тексту будет опираться на один совет владыки, данный им в этой речи, а также в ряде других его сочинений. Когда вы читаете духовные тексты, — говорил владыка, — то обратите внимание, прежде всего, на те предложения, слова, мысли, на которые непосредственно в данный момент отзываются сердце ваше и ум. И начните взаимодействовать, пребывать в душе именно с этими словами и мыслями, а те, что пока не отзываются, пока недостаточно резонируют, оставьте сейчас в покое.

Исходя из этого совета, я решил отметить ряд пунктов рассматриваемого текста, которые особенно во мне отозвались, и с которыми мне бы хотелось сейчас повзаимодействовать. Набралось этих пунктов достаточно много, но я решил оставить не более четырех-пяти, чтобы постараться сделать доклад не очень длинным. Хотя по своему достаточно большому опыту работы и председательствования в разного рода семинарах знаю, что весьма опасно, когда человек встает и говорит: «Я сейчас очень коротко». Это обычно значит — безнадежно длинно. Но все-таки, несмотря на то, что я эти страшные слова произнес, стараюсь уложиться в отведенные 45-50 минут, с тем, чтобы оставить время на вопросы, а главное — суждения присутствующих, потому что в зале я вижу целый ряд замечательных людей, которых я знаю, и, кроме того, наверное, еще больше замечательных людей, которых я пока не знаю и которые могли бы что-то добавить, или что-то прояснить, или с чем-то поспорить, чтобы у нас получилась не лекция, а семинар — содружественная, синергичная работа.

Итак, первая мысль владыки, с которой я бы хотел начать: «Вера, как феномен, имеет отношение не только к Богу или области Божественной».

Чтобы объяснить, почему эти простые, казалось бы, слова резонировали во мне, надо перенестись лет так на 15 назад, в начало 90-х, когда ряд сотрудников, моих коллег и я, грешный, пытались впервые

в России обосновать христианскую психологию как особую ветвь научной психологии. Едва ли не первым резким возражением против нашей попытки было утверждение, что наука и вера — две вещи несовместные, и словосочетание «христианская психология» столь же нелепо как «христианская физика» или «христианская химия».

Между тем приведенные слова владыки задают (благословляют) тот ракурс рассмотрения веры, который вводит ее как предмет в область научной психологии, ибо вера не только богословский, но и *общепсихологический феномен*, неотъемлемо входящий в суть и механику психической жизни любого человека. Вера тогда — фундаментальный факт функционирования человеческой психики. В известной степени, вера соприсутствует, неотрывна от любой человеческой деятельности. Скажем, один человек другому говорит: «Знаешь, через два дня мы с тобой встретимся там-то и там-то». Но возможно ли такое утверждение без веры? Напомню строки Тютчева: «Кто смеет молвить до свиданья чрез бездну двух или трех дней?» Понимаете? Еще времена Тютчева были относительно в этом плане более спокойные. А вокруг нас — машины с пьяными водителями, сумасшедшие руководители государств, и чего они устроят за эти два-три дня? Значит, в самом этом пожелании встречи уже заключена, заложена (другое дело — осознанно или неосознанно) вера в ее осуществление. Наша встреча *вероятна*, и более осознающий себя и осторожный человек добавит — вслух или про себя: «если все будет нормально», «если сложится благополучно», «если ничего не помешает» и т.п.

Таким образом, даже в самых, казалось бы, малых вещах и действиях подразумевается компонент веры. Или, по слову апостола, уверенность в невидимом, потому что мы не можем видеть будущего, а также всех препятствий, стоящих на его пути, например, что кто-то там сел уже в машину не совсем трезвый, и эта машина может наехать на нас. Мы этого видеть, провидеть не можем, но можем верить, что да минует нас участь сия. Вера, тем самым, — это мост в будущее, который мы перебрасываем через «бездну двух или трех дней», не говоря уже о безднах более длительных отрезков времени. Одна опора этого моста здесь, где я сейчас стою, а вот другая — та, что призвана удерживать пролет моста, отстоящий на три дня или три года, — неопределенна, лишь предполагается, ее еще нет. Она в моих планах, в голове, в воображении, но не в реальности. Мы идем по мосту жизни, где есть только одна сегодняшняя опора. И чтобы двинуться, нам нужна вера в другую опору. И именно эта вера делает ее (опору) действительной, а наш путь через бездну осуществляемым.

Таким образом, вера — повторим еще раз — общепсихологический феномен, то есть наблюдаемый в том или ином виде, по сути, у всех, и проявляющий себя в разных формах: от житейских до высших, таких как религиозная вера в Бога. В поддержку этой мысли — и следующее место из речи владыки: «Для меня вера в Бога — не нечто странное, неестественное...». Прерву здесь цитату и обращу ваше внимание на то, что он ведь выступает в психоаналитическом обществе, говорит это психоаналитикам, для которых вера в Бога — это самый настоящий невроз, аномалия, в основе которого — страх перед своим отцом и — одновременно — упование на его защиту. Далее человек мысленно «отправляет» отца на небо и тоже его боится, и тоже на него уповаet. Так амбивалентное отношение к отцу становится амбивалентным отношением к Богу. Теперь, после этого комментария приведем фрагмент речи полностью: «Для меня вера в Бога — не нечто странное, неестественное, а часть человеческого опыта, причем человеческого опыта, который касается не только Бога, а вообще свидетельствует об особенностях нашего восприятия».

Приведенные слова порождают, в свою очередь, вопросы, для ответа на которые необходимо, на мой взгляд, привлечение психологического знания. Например: о каких особенностях нашего восприятия свидетельствует вера, или — как эти особенности могут быть связаны с религиозной верой в Бога?

В разбираемом нами тексте есть ценный материал, связанный с этими вопросами. Я уже вам говорил о замечательной особенности речей владыки — там нередко присутствует его личный опыт жизни, вот и здесь он рассказывает об эпизоде собственной судьбы. У владыки было жесткое детство и подростничество, он долгое время жил в интернате, не имея дома. Мать тоже ютилась в пансионате, куда он имел право прийти в субботу и в воскресенье только на несколько часов. Все остальное время надо было быть в интернате, где дети объяснялись кулаками, и где необходимо было все время себя отстаивать. И вот он рассказывает, что впервые в жизни бабушка и мама сняли небольшую квартирку в пригороде Парижа. И он явно ощутил и понял, что такое рай — это место, где тебя любят, ждут, понимают, куда можно в любое время прийти.

Это наслаждение длилось три месяца, а потом произошла некая перемена в восприятии подростка: «Я обнаружил, что не могу выносить счастья, если в жизни нет содержания, нет цели, если жизнь — все равно, что лакать сливки до скончания века. Меня привело в ужас бесцельное, пустое счастье. Вы можете истолковать

это различным образом», — опять вспомним, что владыка говорит в собрании психоаналитиков, — «например, что у меня было что-то неладно с психикой. Но это было именно так. И поскольку я был мальчиком с очень конкретным мышлением, то я решил дать себе год, чтобы ответить на вопрос, имеет ли жизнь вообще какой-нибудь смысл. А если нет — то покончить с собой. За это время я действительно совершал некоторые попытки такого рода, например, переходил парижские улицы с закрытыми глазами, надеясь, что меня задавят. Меня осыпали бранью и прогоняли, но так и не задавили — ни такси, ни другие машины».

О чем же тут идет речь? О том, что имеет прямое отношение к общей психологии. Почему? Потому что то, что описывает владыка, это манифестация, острое проявление существования некой неизбывной потребности в человеке. Но потребность эта особая, потому что она не в конечных предметах, а в предметах бесконечных. Ее по-разному называют те психологи, которые, так сказать, в эту сторону смотрят. На мой взгляд, ее можно назвать *метафизической потребностью*, потребностью в том, чем нельзя непосредственно завладеть как некой вещью. Помните, у Гумилева — «не выпить, не поцеловать»: «Но что нам делать с розовой зарей над холодеющими небесами, / Где тишина и неземной покой, / Что делать нам с бессмертными стихами? / Не съесть, не выпить, не поцеловать...». Ношение в себе этой потребности, представленной в том или ином виде или форме, повторяю — общепсихологический феномен, могущий проявиться, обнаружиться в самых разных обстоятельствах — благополучных и неблагополучных, радостных и горестных. Обретение Бога также связано с этой потребностью, с нахождением, наконец, воды живой, утоляющей духовную жажду. Чарльз Дарвин говорил о том, что был потрясен видом джунглей и впервые в своей жизни ощутил это как явленный ему знак могущества и полноты бытия Божьего. А ведь если говорить психологически, то человеком он был отнюдь не пылким, а скорее «деревянькиным» — психастеничным и, отчасти, шизоидным, но гляньте, как проняло вдруг. У других переживания метафизического пространства приходят через любовь, у третьих — через потерю. Есть возрастные особенности, особо чувствительные или, как говорят психологи, сензитивные периоды. Взять тот же подростковый возраст, о котором идет речь в воспоминаниях владыки. Как писал один поэт: отрочество — это время кратчайшего расстояния между мной и человечеством. И дальше в жизни возникают особо сензитивные для смысложизненных проблем и открытий периоды. Приблизительно — здесь нет механической точ-

ности — это 22-25 лет, 30-34, 40-45 и другие. Словом, несмотря на всю сложность, запутанность происходящего, есть некоторые закономерности и среди них собственно психологические.

Отдельный вопрос, на котором мы здесь останавливаться не будем и лишь только упомянем: всегда ли метафизическая потребность выводит к Богу? Приходится ответить на этот вопрос отрицательно — не всегда, достаточно вспомнить о многочисленных «духовных прелестях», которыми соблазняет нас враг человеческий — также носитель духовности, но уже другого рода.

Возвращаясь же к случаю с Дарвином, надо учесть, что мы имеем дело с уже подготовленным, верующим человеком, но верующим «деревянько», умом скорее, воспитанием, традицией, принятыми нормами, а не всем естеством, «всей крепостью своей», и здесь невиданная ошеломляющая красота джунглей, их переполненность жизнью «пробивает» привычное, воссоединяя ум и сердце в дивном порыве (прорыве) к Творцу. В любом случае, когда мы говорим именно о поиске Бога, есть некая подготовка, почва и есть зерно, событие на нее падающее. В этой аудитории сразу, конечно, приходит на ум притча о сеятеле.

Но если дерзнуть посмотреть на притчу с позиции психолога, то первое, что придется признать — это то, что там речь вообще о душе, но какого именно возраста человек, несущий эту душу, каковы его индивидуальные особенности, привычные способы действия и многое другое, как бы выносятся за скобки или, по крайней мере, остаются в тени.

А между тем — вся эта психологическая подоплека необыкновенно важна для судьбы человека и, чтобы убедиться в этом, продолжим чтение статьи владыки. Итак, подросток обнаруживает в себе потребность в чем-то большем, чем долгожданные покой, любовь близких, защищенность, словом, он обнаруживает в себе силу метафизической потребности. Конечно, он не знает, что мы с вами так назвали эту потребность, но для того, чтобы захотеть есть, вовсе не обязательно иметь научное понятие о сути голода и возникновении потребности в белках, жирах и углеводах. Казалось бы, почва готова, нужны лишь семена, которых она жаждет. И, действительно, именно в этот момент появляется сеятель. Владыко описывает, как к мальчикам в их школу для беседы приходит один из крупнейших богословов своего времени — отец Сергей Булгаков. Вот сейчас, — ожидаем мы, — зерна (глаголы вечной жизни) упадут на жаждущую их почву души, и взойдут плоды благой веры. Но проклятая индивидуальная и возрастная психология

мешают этому. У отца Сергия, — констатирует владыка, — «явно не было никакого опыта работы с детьми, он говорил о Евангелии, о евангельской любви, о том, что мы призваны быть кроткими, смиренными, терпеливыми — все добродетели, которые подросток четырнадцати лет никак не ценит. Нас учили воинскому строю, воспитывали в воинском духе, а вовсе не в том, что Ницше называл религией рабов. Я прямо кипел возмущением».

Оставим подростка на время «кипеть возмущением» и постараемся ближе разобраться в уже напрашивающихся выводах. Их, по крайней мере, два. Первый, уже не раз произнесенный: вера является общепсихологическим феноменом, и потому для ее полного рассмотрения необходимо привлечение научнопсихологических знаний.

Мы только что наглядно убедились в том, как властно вторгается общепсихологический, в данном случае — возрастнопсихологический аспект в вопросы веры и, следовательно, как важно его учитывать (выдающийся богослов говорит о Законе Божьем, а будущего митрополита и проповедника захлестывает волна протеста). Чтобы понять, насколько это актуально, взглянем хотя бы на нынешние острые споры вокруг введения Закона Божия в программу средних школ. Многим кажется, что стоит только ввести Закон Божий как обязательный предмет, и сразу все поправится с делом нравственного и христианского воспитания в стране. О психологической же стороне дела — кому читать, в каком возрасте, в какой форме — речи почти и нет, психология — педагогическая и возрастная — в очередной раз выносятся за скобки (чтобы, кстати сказать, в очередной раз отомстить за небрежение к себе: вспомним череду провалов экспериментов в образовании, в политике, произошедших из-за неучета психологических факторов).

Поэтому мы можем сформулировать второй вывод, который просится как практическое пояснение к первому: пути веры, дабы они были успешны и действенны, надо всегда уготовливать, выстраивать психологически выверенно, с продуманным учетом всех необходимых психологических условий, в противном случае, они обречены на неудачу.

Но хотя эти два вывода столь тесно взаимосвязаны, лишь первый из них я готов здесь полностью отстаивать, тогда как второй, казалось бы, столь прямо вытекающий из первого, нуждается в оговорках и допущениях, ибо мы подходим здесь к тонкому различению, водоразделу психологического и богословского отношений к вере. Этот водораздел не всегда заметен, и его можно проскочить. Поэтому будем внимательны.

Дело в том, что психология, как и любая позитивная наука, тяготеет к причинному детерминизму, богословский взгляд — к целевому или телеологическому. Почему, скажем, это дерево упало на эту лошадь? Так Бог предусмотрел. Все — никаких вопросов здесь больше не возникает. Причинный детерминизм исходит из другого: дерево подгнило (опять же из-за чего — сырости, возраста, отсутствия света, действия древоточца и т.д.), надломилось и, падая строго по законам механики, угодило на проезжавшую с такой-то скоростью лошадь. Стоило измениться, дрогнуть хоть одному параметру — этого бы не случилось. Первое объяснение (крайне упрощенно, конечно) — богословское, второе — научное. Наука, собственно, и есть ничто иное, как определенный строго последовательный способ познания и объяснения происходящего, не подразумевающий привнесения внешних сил. Или, скажем мягче, старающийся, по возможности, обойтись без привлечения априорных телеологических установок. Известно, что Лаплас на вопрос Наполеона, где же находится Бог в его физической системе движения планет, ответил, что не нуждается в этой гипотезе. Дело не в том, как многие думают, что Лаплас проявил, заявил себя как сугубый атеист, он проявил, заявил себя, прежде всего, как ученый, он не противопоставил, а различил, отделил себя от богословского взгляда. И это отделение есть условие честной науки, условие, кстати сказать, и честного служения науки христианской культуре и противостояния культуре языческой, идолопоклонской, где все принимается как данность, водительствованная многочисленными духами и богами. На каждый предмет и случай — свой дух, скажем, свой дух у леса, земли, неба, воды, болота и т.д. Христианство как бы задернуло занавесочку — нет этих духов, богов, и поэтому — объясните предметы и явления по-другому, объясните их из самих себя, не прибегая к внешним силам. Методологически это звучит как *принцип исключения трансцендентного*.

Другое дело, что современный ученый, с его суженным, секуляризированным метафизическим кругозором, исследуя конкретные механизмы, забывает о предначалах всего сущего. Как едко заметил Толстой, ученые, углубляясь в тень предмета, радуются, когда тень густая. Еще раз: ученый с неизбежностью вынужден отвлекаться в конкретных исследованиях от общих первоначал, но не должен забывать о них вовсе в своем миропонимании. Тот же Лаплас может быть прав в конкретике своей системы, но стоит расширить контекст (речь, напомню, о движении планет) и задаться вопросом о происхождении вселенной, порождении жизни, ее целях, исходе

и т.п., как открытые Лапласом формулы и законы окажутся заведомо неполными.

Поэтому христианское миропонимание вовсе не противоречит науке, как многие до сих пор полагают, а окаймляет, окормляет ее. Мир создан Творцом, каждое и каждый — Его творение. Птаха, мозг которой весит несколько граммов, преодолевает тысячи километров, ориентируясь по звездам и магнитному полю Земли. Полярный медведь, как известно, весь белый, под цвет снега и льдов, а вот нос у него черный, что, как вы догадываетесь, нарушает цветомаскировку при охоте. Так вот, исследователи наблюдали, что, выслеживая тюленя, медведь прикрывает своей белой лапой свой черный нос. Это малая толика чудес психики животного мира, а что же говорить о мире человеческом. Психика, воистину, бриллиант творения, устройство выдающейся красоты и силы.

Надо учесть еще одно очень важное обстоятельство. Творение не единомоментно, вернее, самим актом творения не предопределена, не запрограммирована вся его дальнейшая судьба, действие и развитие. Скажем, закрывание черного носа белой лапой не продумано, наверное, Творцом — ну что Ему о таких пустяках думать, творение пусть додумается само, ибо условия для этого созданы, ибо творение подразумевает уже встроенный механизм ориентировки, изменения, приспособления, преодоления, словом, психический аппарат. Да что полярный мишка — изменяется, эволюционирует любой микроб, вирус. Отец Александр Борисов — профессиональный биолог, как-то в разговоре упомянул, что пенициллином уже давно не пользуются, потому что болезнетворные организмы к нему хорошо приспособились. Ученым поэтому приходится изобретать все новые и новые виды антибиотиков, но и они успешно действуют лишь несколько лет — микроорганизмы вновь изменяются и приспособляются к ним.

Таким образом, наука призвана изучать механизмы и законы приспособления, изменения и развития всего живого, включая человека. Причем, чтобы достигнуть статуса объективности, она должна исключить из рассмотрения трансцендентное, выходящее за грань формул и измерений. Но тогда мы вновь возвращаемся к вековой конфронтации и разделению научного и богословного познаний. Выход из этого видится сейчас, во-первых, в предположении одновременности, синхронности движения на разных уровнях бытия, каждый из которых предполагает свой объяснительный ряд. Во-вторых, и в главных, в подразумевании иерархичности этих уровней, где именно верхний определяет смысл, порядок, логос происходящего.

Да, открытые наукой механизмы и законы могут рассматриваться как объективные (независимые от трансцендентного), но — и это важно понять — внутри положенных самой же наукой ограничений, условий и правил. Их объективность заведомо ограничена определенными рамками, а значит, не является, строго говоря, абсолютной. Лишь Творец абсолютен, ибо нет условий Его ограничения. Это различие, повторяю, чрезвычайно важно. Не заметив его (что происходит повсеместно), наука имеет возможность и соблазн почувствовать себя Творцом или — по крайней мере — раскрывающей Его (а не Его творений только) секреты и тайны. И вот уже мы слышим, что Сам Творец — ментальный конструкт, бытие жизни — раскрытая наукой объективная закономерность, духовность — миф и т.п. Предмет и тень от него спутаны, и некому, как в сказке Е. Шварца, сказать со властью: «Тень — знай свое место». Законы творения, как правомерные объекты науки, спутаны с Законом Творца. И в этой путанице — как исходной искус — «будете как боги». И не когда-то там, в библейские времена, а прямо здесь и сейчас шелестит то самое древо познания добра и зла и тот же самый — пусть в ином, современном облике — искуситель...

Напомним лишь, что библейское древо познания добра и зла в более точном переводе звучит как древо познания хорошего и лукавого. Чего хорошего и чего лукавого? Наверное — пути человека. «Будете как боги» — лукавый путь, хоть и звучит заманчиво, безошибочно апеллируя к нашей гордыне. Исходным соблазном, мечтой становится могущество, власть, сила, независимость. Но, войдя через эти разукрашенные ворота, человек, как хорошо известно, постепенно ввергается в рабство, зависимость, бессилие. Путь хороший имеет другие, тесные врата — смирения, милосердия, послушания, но ведет к обретению силы, полноты, свободы, радости. И предложен, проложен этот путь Богом к человеку, и по нему и только по нему человек получил возможность прийти к Богу. Вспомним, Бог стал человеком, чтобы человек смог стать Богом. Не наоборот ведь, ни в коем случае не наоборот.

Итак, если не путаться сейчас в смешениях и вариантах, есть два направления, два пути. Первый представляется путем от успеха к успеху, но заканчивается он крахом и поражением. Второй — по слову одного из отцов Церкви — идет не от победы к победе, а от поражения к поражению, но ведет к безотносительной и полной победе. Все зазывалы мира, и в телевизоре, и в жизни, призывают к первому. И только один тихий голос — ко второму. Даже не голос, а стук. Стук нашего

сердца. Стук в наше сердце. Самого Христа, стоящего при дверях душ наших и стучащего в них — кто услышит и отопрет, с тем Он, по слову Евангелия, и вечерять будет.

Мы можем толпой пойти за зазывалами, а можем лично, всегда персонально услышать тихий зов и на него ответить. Выбор за нами. А за выбором — решение, противоборство, подвиг или падение. Вспомним Достоевского: «Бог и дьявол борются между собой, и поле битвы — душа человеческая».

Обратим внимание, что не сами по себе какие-то силы внутри-человеческие борются: самооценка, сознательное, бессознательное, мотивы и эмоции, а Бог и дьявол на этой арене с помощью этих средств. Отсюда не вытекает, что сами по себе самооценка, бессознательное, мотивы и прочие единицы психического ничего не значат. Еще как значат, еще как, поверьте, не шуточны. Но главные действующие лица, определяющие судьбу, все же не они. Взгляд секулярной современной психологии обычно иной: согласно ему человек и общество сами себя выстраивают, конструируют, взаимовлияют, направляют и т.п. И в частности, пусть как очень важную часть, «конструируют» и Бога — ту или иную религию. Ясно, что речь при этом идет о вымысле, мифе, но не о реальности. И уже совсем нелепо и дико современному человеку говорить о реальности дьявола. А раз так, то судьбы человеческие видятся только как продукты деятельности (самодеятельности) человека и общества.

Разумеется, значение активности, самостроительства человека и общества первостепенно и огромно, человек — деятельное, деятельностное существо, все, находящееся вокруг нас, несет отпечаток его работы и созидания. Но это не должно заслонять от нас главного, исходного — не человек выстраивает, конструирует, открывает Бога, а Бог впервые открывает, конструирует человека как такового. Мы — дети Бога, а не Он — наше производное.

Вспомним две формулы: «Вначале было Слово» и «Вначале было дело». Когда Фауст у Гете произнес вторую формулу как открытие, как перекрывающую первую — в этот самый момент в его ученом кабинете впервые появился Мефистофель, развернувший перед Фаустом свой путь, столь много обещавший, но приведший к полному краху.

Вопрос, что вначале — Слово или дело, при всей его кажущейся отдаленности и даже схоластичности крайне важен для психологии. Недаром, например, именно в момент зарождения одной из магистральных теорий советского периода — теории деятельности — шел спор именно об этом, причем непосредственно в формулировках гетевской

трагедии (на что, правда, историки психологии пока не обратили особого внимания). Вот как вспоминал основатель теории деятельности Алексей Николаевич Леонтьев о методологических расхождениях со своим учителем — Львом Семеновичем Выготским, относимых к началу 30-х годов прошлого столетия: «Внутренняя расстановка в школе Выготского была драматична. Конфронтация двух линий на будущее... Известное место в «Фаусте» И.В. Гете... Какая подпочва? Если не все дело в «деле»?» [Леонтьев А.А., 2003, с. 40]. В другом месте — в начале сороковых годов — об этом же, но уже совершенно утвердительно — не с вопросом, а с восклицательным знаком в конце: «В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» [Леонтьев А.Н., 1994, с. 40].

Итак, на науку можно смотреть как на нейтральную в метафизическом отношении область лишь искусственно, условно — исключая из ее контекста более общие мировоззренческие, философские, богословские вопросы и дилеммы, из которых для нас сейчас центральная — является ли человек целиком продуктом природы, общества и собственной упорной деятельности (в начале было дело), или он творение, замысел Божий (в начале было Слово).

В первом случае научный разум, открывая законы природы, общества и человека, может претендовать на всю полноту знания, овладев которой, он окажется способным планомерно направлять развитие к заданному им же самим совершенству («будете как боги, знающие добро и зло»). Во втором случае наука для ученого — лишь путь приближения к чему-то большему, чем сами по себе силы природы, законы хитросплетений развития народов и людей. Наука становится крайне важным и уникальным для человека путем постижения непостижимого и познания непознаваемого или, если воспользоваться емкой формулой владыки из его другого сочинения, «наука есть познание Творца путем познания Его творения».

При этом надо твердо помнить, что творение не равно и, тем более, не выше Творца. Не мы «сконструировали» путь к Нему, а Он предуготовил наши пути к Себе, и пока Он не сошел к нам в «зраке раба», нам было не подняться к Нему. В этом плане Бог не просто один раз создал человека, указал ему путь и покинул навеки. Нет, Он создает человека в нас постоянно — сегодня и ежедневно. И признак Его присутствия на пути тот же, что у Луце и Клеопе, к которым на пути в Эмаус присоединился неузнанный ими Христос — начинает гореть радостью сердце наше. А вот пока мы на ином пути, то сердце наше противоположно горению — оно холодно, мрачно и сыро, как и водитель наш — из области мрака и сырости.

На всякий случай подчеркнем еще раз, что никто, а уж особенно психолог, не должен как-либо умалять роль активности, труда, деятельности, самостоятельного развития, совершенствования, поиска и отстаивания решений. Ведь и белому медведю надо додуматься закрывать нос лапой, и малой птичке нужна сила и разум инстинкта, чтобы миновать полные опасностей тысячи верст. Что же говорить о человеке, которому надо столько трудиться и столько преодолевать всю жизнь.

Однако мы сейчас о другом — о фундаментальной развилке в понимании человека, о том, что «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его», о том, что без Божьего уготовления и благословения наши строительства и пути — маршруты впотьмах с поводырями из тьмы. Ну, а чтобы не впасть в крайности одного упования без деятельности или бурного активизма без смысла, напомним взвешенное — «Господь ведет, а я иду» или житейское — «на Бога надейся, но и сам-то не плошай».

Какое все это, скажете вы, имеет отношение к науке, к открываемым ею объективным законам природы?

Если первичны Творец и Слово, а творение и дело — вторичны, производны, суть способы осуществления и воплощения, то любой объективный, с нашей позиции, закон самому Богу не писан и, значит, может быть в особых условиях по Его воле перекрыт, изменен, обращен вспять. Но не по произволу и прихоти, а по замыслу, одному Ему ведомому. Ему, а не нам, ибо творению, даже такому как человек, при всех его возможностях не дано до конца войти в замысел Творца. Как заметил однажды священник Иоанн Вавилов, мы о Боге ничего не можем знать более, чем Он сам захочет нам о себе сообщить. Дух Господень веет, где хочет и столь часто «неразумно» с нашей позиции: и награждает не тех (т.е. не нас) и карает не тех (т.е. нас).

А теперь, после долгого, но, надеюсь, оправданного отступления, вернемся к прерванному месту из обсуждаемой статьи владыки. Напомню, мы оставили подростка «кипеть возмущением», гневной досадой на только что услышанную беседу о Христе. Итак: «Я прямо кипел возмущением и по окончании беседы помчался домой, спросил у мамы, есть ли у нее Евангелие, получил его. И поскольку я слышал от докладчика», — напомню, что докладчик ни кто иной, как отец Сергей Булгаков, — «что Евангелий четыре, постольку я сделал вывод, что одно Евангелие короче других, а раз читать его — пустая трата времени, то взялся за самое короткое, и попал на Евангелие от Марка, которое резкое, ясное, живое, и было написано в свое время

под руководством апостола Петра для римского хулиганского молодняка. И тут случилось, что пока я читал Евангелие, между первой и третьей главой мне стало абсолютно очевидно, что Христос, в кого я не верю, стоит по другую сторону стола, за которым я сижу. Уверенность была такая ясная, такая неколебимая, что я откинулся на стуле и произнес — «так вот оно что». И эта уверенность не оставляла меня в последующие десятилетия. Она и сейчас со мной, как была в том далеком подростковом возрасте».

Не буду останавливаться на признаках, но это — несомненно — Посещение. Чем оно было вызвано, не нам судить, но можно задуматься о том, что было бы, если бы его не было. Очевидно, судьба подростка пошла бы по-иному, движимая, в частности, объективными законами возрастной психологии, противостоящими в тот момент восприятию идей христианства. Но Господь отменил, отодвинул эти законы, и чтобы данный, вполне конкретный подросток не сбился с пути, Сам вышел ему навстречу. Непосредственно явил ему Себя как Истину в утвердительном значении «есть-она». И подростку осталось только замереть — «так вот оно что».

И в этот момент, сбив все случайности и отодвинув земные механизмы, в общем-то, обычный дотоле подросток был прямо поставлен на путь, ведущий к проповедничеству и праведности. Именно поставлен, а не встал собственным усилием и произволением. И хотя впереди был труд, превратности и подвиг многих лет, но уже в то мгновение был определен и высвечен (как молнией ночная местность) весь путь, его суть, а не детали. Много званных, да мало избранных. Мой друг Виктор Иванович Слободчиков как-то вопрошал меня: с какого времени начинается преподобный Сергей Радонежский? И сам отвечал: с подростка того же, кстати, возраста, чуть моложе. Со встречи деревенского пастушка из подмосковного Радонежа — отрока Варфоломея со Спасителем в образе старого монаха. Вот с этой встречи начинается Сергей Радонежский, игумен земли русской. Наука может только констатировать эти повороты, их объяснение уже не в ее власти и компетенции. Законы творения не исчерпывают замысел Творца. Творение подотчетно этим законам, но не Творец, их создавший.

В чем же тогда можно увидеть специфику христианской психологии, ее отличие от светских психологических школ?

Поскольку время, отведенное докладу, исчерпывается, то постараюсь ответить совсем сжато. Корпус знаний, предметов, объектов христианской и светской психологий во многом единый: все те же вос-

приятие, внимание, память, мышление, мотивы и т.п. У большинства непосредственная память составляет примерно семь плюс-минус две единицы. И у верующих, так же как и у неверующих. И когда исследование памяти ведет христианин, и когда нехристь. И яблоко падает по закону Ньютона на головы верующих и на головы неверующих. Дело, значит, не в отдельно взятых законах и открытиях научной психологии, а в понимании места психолога-профессионала в отношении к себе, другим людям и миру. Христианский психолог исходит из определенного антропологического понимания, психика для него — уникальный инструмент творения, без которого невозможна жизнь человека, а значит, изучение и настройка этого инструмента являются важными (но не единственными, конечно) условиями спасения, следования по пути к Богу. Христианское мировоззрение позволяет понять контекст и смысл существования психики. Светские ученые обычно рассматривают психику как отдельное, само по себе существующее и само для себя живущее образование. Возьмем, скажем, термин, который в психологии личности и психотерапии слышится постоянно — «личностный рост». Организуются группы личностного роста, печатаются статьи и монографии, но на простые вопросы при этом ответы не даются, их избегают. Например, если есть рост, то где линейка, единица отсчета? Куда идет этот рост — вверх, в сторону, вниз? Где тогда «верх» и «низ» — каковы координаты этого роста, цели и последствия его? В христианской психологии на все эти вопросы возможны четкие антропологические ответы, в свете которых открытые психологические закономерности получают метафизический смысл и инструментальное назначение.

И закончить я хочу следующим. Говорят, что однажды, когда Поля Сезанна особо критиковали за его живописную манеру, он ответил: «У меня, конечно, маленькое видение, но оно свое». Так вот — у каждой науки есть достаточно жесткие пределы, делающие ее «маленькой», но видение мира сквозь ее призму — уникально, всегда «свое». У психологии — тоже, и без нее понимание мира человека будет заведомо неполным. «Любой опыт, — пишет владыка, — мы воспринимаем в своей психике, потому что если он не дойдет до сознания, или не станет осознанным переживанием, которое можно контролировать, он как бы не существует для нас, он проходит сквозь нас бесследно, так что мне ясно представилось, что любое духовное переживание становится субъективной реальностью только тогда, когда достигает области нашей психики, психологии». Итак, именно через область психического приходит, насыщает человека духовный опыт, и отсюда

особая важность науки, изучающей психику как инструмент жизни человека и его спасения. Дерзну даже сказать, что спасение души подразумевает и спасение психики — поддержание ее в трезвенном и действенном состоянии. Спасибо за внимание.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

— *А можно ли сказать, что с помощью психоаналитики человек по-настоящему получает исцеление? Что же тогда происходит в этом процессе с духовной точки зрения, если что-то происходит?*

— Проблема исцеления в психологии и психотерапии сложная, и она понимается, по крайней мере, в двух значениях — узком и широком. В широком значении «исцелить» — значит сделать человека целым, вернуть к целостности. Ясно, что здесь не обойтись без затрагивания мировоззрения, философии, антропологии — вопроса о том, что считать целостным человеком. И второе — узкое значение, под которым подразумевается избавление от конкретного симптома, например, боязни темноты, или узких пространств, или широких и т.п. Что касается эффективности тех или иных методов избавления от симптомов, то здесь есть один факт, который может показаться обескураживающим: все системы по своей эффективности примерно одинаковы. То есть поможет добросовестный специалист любой ориентации, а злые языки еще добавляют, что и без специалистов все пройдет.

Другое дело, если мы говорим об исцелении в широком значении, да еще и посмотрим на это с духовной точки зрения. И вот здесь окажется, что визиты к психоаналитику, поведенческому психологу или гуманистическому, отнюдь не равнозначны. У каждого из них свое понимание человека и к этому пониманию — вольно или невольно — психолог устремляет пациента. У бихевиориста, например, главное — адаптация к социуму, у гуманистического психолога — развитие самости, своего «я». В этом плане христианский психолог с его антропологическими представлениями подвигается быть попутчиком, опорой человеку в его осознанном или неосознанном еще стремлении к той полноте и целостности, которая обретается только в Боге. Другое дело — как это у христианского психолога получается — хорошо или не очень, но основное стремление и отличие именно в этом.

Кроме того, в христианской психологии и психотерапии, что очень важно отметить, подразумевается не два участника процесса: психо-

лог — пациент, как в других формах, а три, на что всегда настойчиво обращает внимание Ф.Е. Василюк. Ты, я и Бог над нами, а точнее — с нами. Часто говорят: «А если пациент не верующий»? Ну и что, все равно три. Ничего в принципе не меняется.

— Скажите, как давно у нас в стране существует христианская психология, как она оформлена, и есть ли какие-то группы? Немножко об этом.

— Условное начало можно обозначить 1995 годом, когда вышло первое учебное пособие «Начала христианской психологии». В настоящее время есть исследователи в Москве, Петербурге, других городах, однако о широком движении, конечно, сказать нельзя. Но истина голосованием не решается.

— Вот пока задавались очень интересные вопросы, и шли ответы на них, для меня как-то прояснилась некоторая причина тревоги, которая возникла и невольно нарастала во время вашего блестящего доклада. Владыка Антоний говорил, как вы помните, молодым священникам, которые собирались вести людей на небо, что никто не может попасть туда, где сам не был, и указать точный путь, быть проводником. В этом слабость, как об этом еще Бердяев писал, всякого рода мистической литературы — точно рассчитанных путеводителей к иному миру. Вы очень хорошо говорили о границах науки, но, ставя себе такую задачу, как вести человека к Богу, не переходим ли мы, совершенно автоматически, границу возможностей христианской психологии? Речь ведь идет не просто об исследовании христианства, как феномена, не просто помощи человеку, у которого болит, скажем, зуб, будь он христианин или магометанин, а помощи в пути к Богу...

— Вы хотите сказать, что мы много на себя берем?

— Не то, что много, а то, что вообще невозможно. Помните, сидел у кучерской православных дел мастер, который делал вид православный. И замечательно делал, там подробно описано, как он это делал. А потом к нему пришли и говорят: «А внутренность не можете сделать»? «Вот это уж нет, мы только за внешность... Если б внутренность можно было бы так делать, то сразу настало бы Царство Божие...» Здесь я вовсе не хочу подорвать к Вам доверие, я преданный и внимательный читатель Ваших работ, но мне хотелось бы видеть, какие именно богословские, не общенравственные, а богословские основания есть для решения такой задачи. И какие научные. При том, что исходные научные положения не могут быть сведены лишь к тому, что вера — это просто недостаточность сознания, или, как говорил Бонхеффер: Бог — не аварийный выход.

А здесь получается, что мы не знаем, как помочь больному, и поэтому будем вести его к Богу, а Он уже знает, Он разберется. Но какие основания мы можем считать достаточными, чтобы сказать: «Я поведу тебя, я покажу, где Он, объясню, как ты к Нему приближаешься, как Он подходит к тебе».

— Спасибо. На небе я, действительно, не был, и вопрос о виде православном и внутренности православной — чрезвычайной важности и остроты. В этом плане вполне понимаю вашу тревогу — не слишком ли амбициозна наша позиция, ведь мы же не священники, не богословы, а подвигаемся вести, точнее, быть попутчиками, помощниками на пути. Но тревога может быть снята или, по крайней мере, утишена очень простой вещью.

Есть такое понятие «эффект присутствия» — от одного присутствия кого-то что-то получается, свершается или, напротив, не получается, не совершается. В психологии, как науке, этот эффект стараются всячески нивелировать, убрать, что удается, и то с известными оговорками, при исследовании элементарных процессов восприятия или внимания. А вот там, где дело касается личности, нивелировать это становится очень трудным. Хотя и тут психологи стараются по мере сил. Всем обучающимся азам психотерапии говорят о том, что они должны быть в общении с клиентами «внеаходимы», то есть не ввергаться непосредственно в ситуацию, не принимать чью-то в ней сторону, а быть «над схваткой», быть нейтральными, не привносить свою личность, никуда не вести. Стараться, действительно, надо — иначе превращаешься в приятеля, подружку, родственника, а не терапевта, но вот возможно ли в полноте?

Как только ты вошел, сел, посмотрел в глаза, улыбнулся или нахмурился, начал говорить, пусть на нейтральную тему — ты уже привносишь себя, свою личность, свою направленность, свое лицо, ты уже человека куда-то повел, предложил какой-то путь. Люди же не просто слова слышат, а то, что за ними. Вид православный еще можно сделать и кого-то обмануть им, но влиять-то, в конце концов, будет внутренность. Поэтому речь лишь о том, что всем психологам, подвигающимся в области психологии личности, надо понять и рефлексировать — куда, в конечном итоге, они ведут, хотели бы вести, какой образ человека они исповедуют и чают.

Христианские психологи просто определились в этом плане. Другое дело, как они — слабые и грешные — реализуют это определение в своей работе. Здесь готов принять критику, да и самому к ней многое добавить.

— ...не совсем по теме, но Вы в докладе затронули вопрос относительно науки и религии. Один знакомый физик высказал такую мысль, что наука без религии, без веры зашла в тупик, поэтому спасение в объединении науки и религии, наука без религии не развивается...

— Вы знаете, к вопросу о тупике науки я бы отнесся немного по-другому. Не наука зашла в тупик. Зашло в тупик *представление о науке*. Возьмем самый лучший для науки век — позапрошлый, девятнадцатый. На науку тогда смотрели как на законодателя жизни, чуть не новую религию. Слова «сила», «атом», «материя», «рефлекс» произносили с тем же трепетом, что раньше слова веры. Скажем, в 1864 году вышла работа Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы головного мозга». Тоненькая брошюра по физиологии. Так по свидетельству современника буквально не было в России образованного человека, который не читал бы, горячо не обсуждал бы ее. Это что, — спросите вы, — все так поголовно интересовались рефлексам? Нет. На эту книгу смотрели как на попытку объяснить человека материалистическими механизмами, объяснить «научно». И не просто объяснить, но на этом построить всю жизнь человека, его цели, взаимоотношения, нравственность, этику. Сам Сеченов в другом месте говорил, что должны появиться «новые люди», которые, опираясь на науку, в частности, на выводы его исследований, «не смогут не делать добро».

Сейчас по сравнению с сеченовскими временами настало отрезвление и, как часто случается, перехлест в другую сторону — дискредитация науки, обвинение ее во всех грехах. Но, еще раз, наука — это метод, определенный и строгий, с гипотезами и способами их проверки. Не более и не менее. Никакой этики в науке, как таковой, нет. Строение атома и его исследование ни нравственно, ни безнравственно. Нравственна или безнравственна разработка атомного вооружения и, тем паче, его применение. Если физика как наука зашла в тупик, то это вовсе не значит, что в физический отдел академического института следует срочно прислать священника, и она под его водительством из этого тупика выйдет. Другое дело, что надо извлечь уроки из истории и не впадать в крайности — то считать науку основой мировоззрения и всеобщего человеческого счастья, то почитать вредной, опасной, противоречащей задачам человека.

Наука, строгость ее метода могут быть нужными современному обществу и Церкви. Как заметил однажды священник и психолог Владимир Цветков, настоящая наука — это оплот строгости, непредвзятости, трезвости мышления. И один из последних редутов в

наблюдаемом ныне всеобщем отступлении — вера в современном мире размывается, культура нивелируется, человек примитивизируется. И, быть может, откат-отступление это остановится на рубежах науки, укрепленной, укорененной в строгости мышления. И тогда с этих рубежей в восстановленном категориальном строю мы выйдем отвоевывать культуру и вековые предпосылки веры.

Для такого идеалистического упования, думается, определенные основания имеются. Святитель Николай Сербский писал: этика есть эхо догматики. Если нет догматики — нет этики. Наука тоже зиждется на определенном рода догматике, только там это зовется аксиомами, аксиоматикой. В этом плане наука — эхо аксиом, она учит значимости начал, принимаемых на веру, и стройности выведения из них последствий. Эта гимнастика, дисциплина, если хотите, аскетика ума, может быть важным подспорьем и для богомыслия, что не раз было подтверждено просвещенными Отцами Церкви. Вспомним и упоминавшиеся в этом зале слова владыки Антония, обращенные к молодым священникам: «Если ты святой, тебе не надо никакого образования, но поскольку ты пока не святой — образывайся, учись, постигай науки».

Итак, вопрос не в том, что делать с наукой, а в том, что с человеком надо что-то делать, в частности, конечно, и с ученым человеком.

— Спасибо большое за такой блестящий доклад. Вы начали доклад так, как начинается статья владыки Антония «О вере, как уверенности в вещах невидимых» с ударением на невидимом, и, если я правильно поняла, расценили это психологическое состояние, как метафизическую потребность. Но далее владыка и в этой беседе, и в других беседах говорит о том, что он рассматривает несколько аспектов веры. Один — это вера, в основном, как уверенность в вещах невидимых с ударением на уверенность. Он говорил о себе, что Бог для него — несомненный факт, и вокруг этого он строит свое мировоззрение. Второй и третий аспект — это уверенность как доверие, уверенность как верность, то есть верность тому, что когда-то было увидено. Вопрос мой заключается в том, можно ли аспекты веры трактовать только как метафизическую потребность, или это должно быть связано, с точки зрения психологии, с какими-то иными оценками и состояниями?

— Спасибо. В своем вопросе Вы тонко указали на многоаспектность пространства веры. В данном сообщении я пытался, прежде всего, показать, что вера является общепсихологическим феноменом, буквально пронизывающим всю жизнь человека. Ведь мы в

вероятностной среде и можем лишь вероятностно предполагать, прогнозировать свое будущее. В докладе я уже упоминал об этом, но может быть стоит вернуться и сказать об этом подробнее. Вот, скажем, человек говорит: «Я поступаю в Университет, я его окончу с отличием, стану специалистом, женюсь, построю дом, воспитаю детей» и т.п. Но ведь речь идет о будущем, которого нет, которое может наступить с разной степенью вероятности. Отсюда, кстати, понятно, почему надежда умирает последней: для ее существования достаточна минимальная вероятность успеха. Вера подразумевает уже иную, более солидную вероятность. Основные борения где-то вокруг 50% успеха или вероятности 0,5. Мера веры часто равна мере неверия. Отсюда необходимость борьбы в себе за веру против неверия. И, наконец, уверенность психологически подразумевает субъективную вероятность, близкую к единице.

Итак, речь о будущем, которого пока нет, но нельзя сказать, что оно непредставимо и невидимо. Напротив, человек видит, представляет себя в данном примере и как уже студента, и как специалиста, и как отца семейства. Другое дело, что представляет не так, как оно будет, может быть, на самом деле, а наивно, смутно, но все же представляет, видит. Помните старый анекдот про то, как жена купила лотерейный билет и вслух за семейным ужином мечтает: «Вот мы выиграем «Волгу», отправимся семьей на юг, папа сядет за руль, я рядом с ним, а ты, сыночек, сзади, и мы поедем». Ребенок, услышав это, начинает капризничать: «Я хочу на переднем месте рядом с папой, я хочу рядом с папой!» Маме это надоедает и она прикрикивает: «Выйди немедленно из машины, мы поедем без тебя!» (смех). Нету никакой машины, нету. Но она совершенно видима участниками сцены. Когда же мы говорим о метафизической потребности, то это потребность не в машине, не в чем-то, что можно пощупать. А это уже другой пласт и уровень веры, как общепсихологического феномена. Подчеркиваю вновь — *общепсихологического*, ибо, как уже говорилось, метафизическая потребность свойственна всем, другое дело — в каких формах и способах она выражается. Что вопрошает сильно напившийся русский человек? Он, как известно, вопрошает одно: «Ты меня уважаешь?» (смех). Не говорит, там, дай денег, еще что-то, все сейчас побоку, остается главное: ты — человек напротив, мой случайный собутыльник — уважаешь меня или нет? Чем не метафизическая потребность, пусть и в измордованном виде.

Может ли здесь, в этой сфере, невидимое стать видимым, вера перейти в уверенность, осязаемость? История владыки, которую мы

разбирали выше, показывает, как и при каких обстоятельствах это может состояться как неоспоримое свидетельство. И ясно, что редкость, исключительность такого рода свидетельств может быть препятствием, порой непреодолимым для людей определенного склада ума. Заметим, что именно такой склад характерен для ученых, и потому, если выбирать небесного покровителя науки, то это будет, наверное, апостол Фома, помните: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» [Ин. 20: 24].

— Мне кажется, что вы совершенно четко обрисовали вот эту статистическую подоплеку уверенности, веры, надежды... Это то, что есть психологическое основание обыденной жизни. Но что я имела в виду, когда высказывала свои опасения, — это то, что наука тоже строится вовсе не из соображений непременно вероятностей, а покоится на вере. Совсем не покоится на вере только простая логика, но даже уже арифметика нуждается в допущениях. Что касается алгебры, алгебраической геометрии, то области веры здесь расширяются. То есть, на самом деле, нет достаточных оснований, чтобы из предыдущего следовало следующее — именно здесь появляется замечательное выражение «ясно, что». На самом деле там, где «ясно, что», там колоссальное допущение... Оно не из области вероятностного. Оно модельно — это построение некоей модели. Конечно, вера присутствует здесь несомненно, но нас особо волнует вера совсем в другом смысле — такая хрупкая вещь, как христианское чувство человека, а здесь происходит чрезвычайный скачок. И вот об этих основаниях перехода я, собственно, и спрашиваю, о них тревожусь.

— Спасибо. Согласен, что переход разговора к психологическому описанию христианского чувства потребует «чрезвычайного скачка», на осуществление которого я здесь не берусь замахиваться. Речь сейчас, в лучшем случае, об общих предпосылках, которые его уготовляют. Согласен, что когда ученый говорит или пишет «ясно, что» или даже «совершенно ясно, что» — это, на самом деле, не «совершенно» и не «ясно». Конечно, когда вы приступаете к изучению евклидовой геометрии, от вас не требуют клятвенно повторять: «Верую, что параллельные прямые не пересекаются в пространстве». Вам просто говорят, что это так, что это аксиома. Но от этого элемент веры и, если хотите, догмата не исчезает вовсе. Не исчезает он и в дальнейшей деятельности ученого. Понятно, что когда я говорю «ученого», то имею в виду настоящего ученого, а не просто «научного работника». А настоящая наука всегда лично ангажирована, всегда пристрастный поиск, и

ученый — свидетель и гарант истинности этого поиска, и за свое свидетельство, бывает порой, призван претерпеть многое, иногда за это свидетельство его и сжечь могут. В этом плане есть признанные мученики науки. Николай Вавилов — великий генетик — накануне своего ареста и гибели в сталинских застенках говорил слова, достойные подвижника: «Гореть будем, на костер взойдем, а от своих убеждений не откажемся». Это он о своей научной теории генетики, о том, например, что есть неизменные наследственные признаки. Казалось бы, что он Гекубе, что ему Гекуба, и стоит ли из-за каких-то отвлеченных научных положений рисковать жизнью, но для него — это научная истина, и он за эту истину был готов гореть. Так что настоящая наука — не игрушка, а поле борьбы. Но, несмотря на все это, научная и религиозная веры — вещи, конечно же, различающиеся, и, чтобы понять эти различия, требуется, соглашусь, «чрезвычайный скачок».

(Отец Александр Борисов) — *Это не вопрос, а скорее реакция. Я хотел немножко реабилитировать все-таки науку (смех). Я полагаю, что наука, наоборот, способствует ощущению веры, с одной стороны, и, с другой стороны, соответственно, прославлению Божьему. Когда-то полагали, что гром и молния — следствия того, что Илья-пророк на колеснице мчится, а потом выяснилось, что это явления электричества. Для одних людей, так сказать, более непосредственных, это могло быть ударом: как так, — говорили они, — выходит, Ильи нет и Бога нет. А другие, более, так сказать, устроенные разумно, сказали: нет, одно другому не мешает. Сходно было и с другими открытиями, например, птолемеяевская система и система гелиоцентрическая. Людям казалось, что если не земля в центре, то вера рухнет, Церковь рухнет, и все пропадет. Отсюда костер Джордано Бруно, суд над Галилеем, которому тоже грозило сожжение. Сейчас все уже исповедуют, что Солнце в центре находится, но никто от этого не умер, и ничего не рухнуло. Хотя, если буквально вычитывать Библию, то, как отмечал Алексей Константинович Толстой, Коперник ведь явно разошелся с Моисеем. В свое время еще Лютер говорил, что глупо и нечестиво рассуждать, будто в центре находится Солнце, а Земля движется, потому что Иисус Навин сказал Солнцу «остановись»! Значит, оно движется. Но с тех пор все как-то иначе смотрят...*

То же самое, мне кажется, и в отношении психологии. Здесь тоже надо четко вычленять тот самый водораздел между позитивно-научным и духовным, о котором говорилось в прослушанном нами докладе. Скажем, то, что будущий владыка при чтении Евангелия от Марка между первой

и третьей главой почувствовал, что Иисус стоит рядом с ним, никакой психологией не объяснить. Это какое-то вложенное в человека. Вот, например, я знаю одного мальчика, который примерно лет с десяти любил собирать ягоды в лесу. И ему однажды пришла мысль, что, после того как собирал ягодки, три самых лучших ягодки, именно три лучших, спелых — зеленые не годятся — которые хочется съесть больше всего, надо положить под листком и так и оставить лежать. Никто ему тогда ничего не объяснял ни про Бога, ни про жертву, но кем-то было вложено. Подобные явления уже не предусматриваются психологией, здесь начинается какой-то водораздел, за которым непосредственно Бог действует. На чем и может быть наш оптимизм более-менее основан. Как в свое время в 19-ом веке какой-то российский адмирал говорил, что Россия существует только милостью Божией, иначе чем еще объяснить ее существование (смех).

Что касается христианской психологии, то мне кажется очень важным осознанное присутствие здесь этического момента. Скажем, в семейной терапии уже этический момент должен присутствовать, потому что психология нужна нам, надо объяснить, что ребенка надо начинать воспитывать с первого месяца беременности, что нельзя на детей кричать, надо любить и прочее, психология очень хорошо это объясняет... Хотя и так вроде ясно, но какие-то тонкие отношения важны. А вот, скажем, христианский психолог, помогая пришедшей к нему пациентке, не посоветует ей какой-то безнравственный поступок, а скажет, что надо делать то-то и то-то, или, в крайнем случае, может сказать: не знаю, идите в церковь. Одна эта заслуга сама по себе совершенно оправдывает наличие христианских психологов. Так что будем их за это благодарить...

А вообще я должен сказать, что я эту статью небольшую митрополита Антония раза три перечитывал, и думал, о чем там, на семинаре, рассказать можно. А с точки зрения психологов получил интересный поворот и такое интересное видение. Так что огромное вам спасибо, вы нам все это замечательно рассказали... (аплодисменты)

— В чем опасность психологии для духовной жизни, если таковая есть?

— Конечно, есть опасность, даже во множественном числе — опасности. Но, собственно, в этом плане психология мало чем отличается от других областей науки. Достаточно назвать хотя бы физику, химию или биологию и вспомнить об атомном, химическом и биологическом оружии. Ножик на кухне — очень важный мирный предмет — он хлеб

режет, рыбу разделяет, но им ведь и резать можно. Точно так же и психология. Она обладает массой необходимых для человека сведений. Но сведения эти могут применяться как в пользу, так и во вред. Когда мы психологически грамотно конструируем рабочее место диспетчера, летчика или штурмана, строим обучение в школе, воспитание в семье, то честь и хвала научной психологии, без опоры на которую не обойтись. Но те же самые знания можно повернуть и во вред. В любой рекламе и политтехнологии используется психология, а вот какой товар рекламируется и какая политика внедряется — это уже дело другое. Кто-кто, а мошенники всех мастей знают цену психологии и очень активно ее используют. В том числе и мошенники в духовной сфере.

(Вопрос отцу Александру Борисову) — *Бывает ли так, что священник не может справиться и должен прибегать к помощи психолога?*

(Отец Александр Борисов) — Вы знаете, в каких-то случаях, наверное, можно рекомендовать обратиться к профессиональному психологу. Потому что он занимается, скажем, семейными парами. К священнику с такими вопросами приходит один человек в неделю, а к нему каждый день приходят, этих эпизодов у него уже сотни. И там есть свои типологии, свои закономерности, и если семейный консультант — нормальный, хороший, добрый человек, то он может быть в ряде случаев полезней, чем священник, который встречается реже с этим конкретным вопросом.

— *А исповедь?..*

(Отец Александр Борисов) — Значение исповеди для душевного здоровья громадно — кто же спорит, но как быть, например, в следующем случае. Жалуются прихожанка, что муж каждый день пьет. Он не хочет идти в храм. Что делать, что советовать? Надо, несомненно, каким-то начаткам учить, наверное, должны быть даже книги специально для священников по психологии. Вот если Борис Сергеевич напишет такую книгу для священников, то мы ему поставим памятник на вечное поминовение (смех)... О здравии. Мы в этой же аудитории какое-то время назад говорили о том, чтобы при приходе были психиатры, потому что часто есть острые случаи, когда человека, наверное, сразу надо госпитализировать, но распознать это не всегда просто. Конечно, должно быть взаимодействие, мы не должны отвергать помощь, мы же не отвергаем ее, когда болит зуб — мы не только молимся, но идем к врачу, чтобы мышьяк положили, начали лечить и прочее.

То же самое с психологией — ее нельзя отвергать ни в коем случае, и священнику надо знать какие-то ее начатки, не становясь, конечно, при этом психологом. Хотя у нас есть отец Андрей Лоргус, который и профессиональный психолог, и священник — его можно спросить, как он это сочетает. Спасибо.

— *К обсуждавшемуся выше вопросу об опасностях для духовной жизни я бы хотела добавить одну историю. Я вспомнила необыкновенно жизнеутверждающий, на мой взгляд, рассказ Наталии Трауберг о том, как ее мама пригласила к ним домой великого иллюзиониста и гипнотизера Вольфа Мессинга. Угостила его замечательным обедом и спросила, не может ли он сделать так, чтобы из души ее дочери извлечь любовь к Христу и на это место поставить любовь к товарищу Сталину (смех). И Мессинг сказал: «Мадам, ваш обед был превосходен, и я понимаю вашу материнскую тревогу, но есть предел. Я могу двигать сейфы, читать мысли, угадывать карты. Но в самых главных моментах, в которых человеческая душа соприкасается с Богом, в которых она себя определяет — никто не властен. И если кто-то говорит: я могу добиться от этого человека того-то и того-то, не верьте ему, он фокусник».*

— *Какова главная задача, которую сейчас решает психология вообще и психология христианская? Какова, на ваш взгляд, перспектива развития на ближайшее и отдаленное будущее?*

— *Какая сейчас стоит главная задача перед психологией? Ответить за «всю психологию», конечно, не могу и выскажу лишь свое личное, частное мнение: это определить себя в пространстве человека и современного мира или, по крайней мере, поставить задачу такого определения. Что могут, что должны делать психологи в безумном обществе со все более глобализирующейся экономикой и все более лилипутизирующимся человеком. В обсуждаемой нами статье, уже в ответах на вопросы, владыка говорит очень важную вещь, он говорит о том, что во всем надо сохранять ясный взгляд на мир и не бояться. Сон разума рождает чудовищ, ясность разума их разгоняет. Пока же мы живем в страхе во многом из-за неясности нашего разума, боимся будущего, других, самих себя. Да взять то же отношение к психологии — сколько раз мне приходилось и приходится видеть боязнь психологии, слышать, что занятие психологией — дело вредное и богопротивное. Это что — богопротивно изучать творение? Так же и физиологии можно бояться, и физики, и ботаники. Не в знаниях беда, а в способах их применения, в понимании их места и роли в*

человеческом бытии. И именно христианское мировоззрение должно внести здесь ясность. На домовом храме Московского университета на Моховой, напротив Кремля, вознесен крест, и по фронтону — слова: «Свет Христов да просвещает всех». И в этом свете бояться нечего. В том числе и нечего бояться заниматься наукой. Это и должны, в меру своих сил, привносить в научную психологию те, кто дерзают называть себя христианскими психологами.

— У меня вопрос по статье владыки Антония, который был связан с предыдущим вопросом, и в некотором смысле с предыдущим ответом. О смелости, и о том, чем занимается психология. Позволю себе зачитать отрывок: «Когда позже я был в медицинской школе, когда я оказался студентом Салпетриер, а затем университетской психиатрической клиники, я ставил себе совершенно конкретные вопросы: каково место моих психологических реакций на то, что я считал объективным фактом — мою встречу со Христом, в которой я был абсолютно уверен, как если бы встретил лицом к лицу человека». Мне кажется, что в этой фразе содержится скрытый совет, чем заниматься психологии. И мне хотелось бы спросить — существует ли какая-то область, извините, я просто не в курсе, существует какое-то направление, которое изучает психологические реакции, связанные с духовным опытом?

— Описание психологических реакций, связанных с духовным опытом, в принципе, возможно. Помните, как преподобный Серафим показывает Мотовилову действие Благодати и спрашивает его, по сути, о психологических переживаниях: чувствует ли он особую теплоту во всем теле, хоть вокруг морозный зимний день, чувствует ли благоухание, радость необыкновенную и т.п. Но должен сказать, что это область, к которой психологу, даже христианскому, надо подходить очень и очень осторожно и даже, скажу больше, лучше пока вообще не подходить. Это, строго говоря, не область психологии как таковой, хотя, повторяю, здесь есть психологический компонент, точнее, аккомпанемент. Я уже не говорю о том, что духовность духовности рознь, враг человеческий тоже весьма духовен, и есть обширная область духовных проявлений, которые обозначаются как «прелесть». Потому-то я бы и посоветовал воздержаться. Психология должна понимать свои пределы и удерживать себя в них, о чем я уже не раз сегодня говорил.

Это касается не только психологии, но любой науки. Вот Иван Петрович Павлов — великий ученый, но он пытался объяснить все

физиологией высшей нервной деятельности. Почему, скажем, мученик восходит на костер — потому что возбуждение коры головного мозга подавляет деятельность подкорки. Физиологическая проекция происходящего принимается за суть. Так и хочется сказать: «Иван Петрович, Вы же сын священника — куда Вас понесло?» Так же и психология должна осознавать свои пределы. Я уже довольно давно являюсь членом редколлегии журнала «Вопросы психологии». Несколько лет назад поступила в редакцию статья под названием «Личностные особенности евангелиста Матфея» (смех). На редколлегии говорю, что я категорически против напечатания. Мне возражают, что это ущемление научной свободы и, вообще, проявление моих личных религиозных предпочтений, и вряд ли бы я так возражал, если бы пришла статья «Личностные особенности пророка Мухаммеда». Я говорю, что тоже был бы против.

Личностные особенности в психологическом понимании не определяют здесь сути дела, потому что мы на пороге другого измерения. Так же как, если вернуться к приведенному примеру, физиология имеет свой объяснительный предел, и как бы она не прыгала, дальше начинается что-то, что называется уже психологией, и мы переходим в другое пространство, с другими единицами и категориями, которые, конечно, более расплывчатые, чем физиологические, но без них уже не объяснишь происходящего. В свою очередь и психология имеет свой диапазон разрешения, свой верхний предел компетенции, за которым начинается сфера попечения философско-религиозных дисциплин. И дальше туда уже вход по спецпропускам (смех).

— Мне очень хочется сформулировать вывод о пользе и опасности психологии. Он очень четко формулируется. Польза — это когда психолог освобождает человека, скажем, от зажатости или еще от чего-то. И вред, когда он им манипулирует. И это, опять-таки, зависит от человека. Вся христианская психология в одном слове — любовь. Если ты любишь человека, ты можешь даже не знать психологию, ты почувствуешь, что надо с ним делать, чтобы ему было хорошо. Конечно, полезно при этом знать и науку психологию. Но знание науки психологии без любви ведет только к ужасным последствиям — я сама видела это — когда начинают манипулировать людьми. Скажите что-нибудь на это.

— Знаете, в самом общем плане, я с Вами, конечно, соглашусь. Когда психолог помогает человеку освободиться, раскрепоститься, уйти от зависимостей — это хорошо. Когда он манипулирует челове-

ком — плохо. И любовь превосходит все знания, все науки и даже все дары духовные, ибо «если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» [1 Кор. 13; 2]. Но как только мы от этого высокого плана перейдем к конкретно-психологическому, мы столкнемся с множеством трудностей. Ведь в великих словах апостола Павла речь идет о всепобеждающей силе христианской любви как вершины добродетели, а что мы видим в жизни, с чем ежедневно сталкивается практикующий психолог, да и все мы? Тоже ведь с любовью, но какой: любовь-самоутверждение, любовь-самолюбование, любовь-поглощение другого, удушение в объятиях и прочее, и прочее. Сколько вокруг жертв и инвалидов этой любви всех возрастов и званий. Поэтому если мы на всех стенах напишем призыв «любите», это не спасет от проблем и не сделает психологов безработными. Другое дело, что нам как христианам дан Образ истинной любви в Лице Спасителя, и мы призваны вести себя и других к этому образу. А для этого надо знать и все закоулки, щели, где прячутся, живут и властвуют ложные формы любви. И без психологии здесь вряд ли можно обойтись.

— *Не получится ли так, что в исламе будет своя исламская психология, у буддистов — буддистская? В чем специфика христианской психологии?*

— Спасибо. Вы, на самом деле, задали очень типичный вопрос, который я слышу уже лет двадцать: если можно говорить о христианской психологии, то тогда надо говорить и о буддистской, об индуистской, о кришнаитской и других психологиях. Иначе получится дискриминация и даже, как писал недавно один из оппонентов, будет провоцироваться межнациональная рознь. Были разные варианты ответа на этот вопрос, но мне понравился последний ответ моего коллеги профессора Анатолия Николаевича Кричивца. Он очень прост: да пусть себе они развиваются, пусть исходят из своих представлений и антропологий. Но, к слову сказать, никаких серьезных попыток этого рода я пока не видел. Так что будем спокойно осуществлять свое направление, исходящее из христианской антропологии — понимания человека в системе христианского мировоззрения.

— *Я бы хотел сделать две реплики по поводу нашего обсуждения. Первая. Когда мы размышляем об основаниях науки, мировоззрении ученого, не уместно ли здесь припомнить и применить понятие философской*

меры Карла Ясперса (125 лет со дня рождения которого было 2 месяца назад). И вторая. Мне бы хотелось поддержать Бориса Сергеевича, если я правильно его понял, конечно, что не нужно бояться экспансии психологии. Мне думается, что нынешнее распространение психологии отражает усложнение человеческого мира, необходимость осознания человечеством самого себя. Причем, рефлексивная сторона сознания важна и в повседневности, в понимании того, что, прошу прощения, нам впаривают в магазине, в избирательных кампаниях или в каких-то иных акциях. Знание психологии есть инструмент, предохраняющий нас от тех опасностей, к которым нас подталкивают. Благодаря этому, если воспользоваться замечательной мыслью Сергея Сергеевича Аверинцева, «мы делаемся опытнее, мы делаемся виноватее».

— Нужно ли, по Вашему мнению, преподавать психологию в семинариях, нужна ли она для подготовки священников?

— Нужна ли психология священнику? Об этом уже говорил отец Александр Борисов. Я лишь присоединюсь — конечно, нужна. А, следовательно, нужна и в образовании, в духовных училищах. Да и она всегда там присутствовала, чуть ли не с Киево-Могилянской семинарии. И отменил преподавание психологии никто иной, как Хрущев. Отменил вместе с другими общеобразовательными научными дисциплинами — физикой, химией. В самом деле — зачем это священникам становиться образованными людьми? Ну, Хрущев-то известный боготворец, а чем объяснить недавнее громадное сопротивление обратному введению в учебные планы семинарий и академий, восстановлению, так сказать, психологии в своих некогда погранных правах?

Речь ведь не идет о том, что психологию непосредственно надо внедрять в пастырскую деятельность или — того хлеще — заменять, вытеснять эту деятельность психологией. Речь лишь о том, что знание элементов психологии для современного образованного священства необходимо, или, по крайней мере, крайне желательно, так же как знание элементов физики, химии или филологии.

Благодарю вас всех за благожелательное внимание и замечательное обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

Леонтьев А.А. Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 40.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994.

Psychology and spiritual experience

B.S. Bratus'

Responding on the text of the metropolitan Anthony of Sourozh, devoted to a parity of psychology and spiritual experience, the author reflects on this parity and interference in two aspects. First, he speaks about belief as generally psychological phenomenon, the fundamental fact of functioning of human mentality. Secondly, underlines basic distinction of scientific and theological level of knowledge, and also necessity to rank these levels. The methodological principle of an exception inherent in a science transcendental creates notorious restrictions, nonabsolut objectivity of a science. The science for the scientist, according to the author, only an approach way to something bigger, than itself forces of the nature, laws of development of the people and people if use the formula of metropolitan Antoniy, «the science is knowledge of the Creator by knowledge of Its creation».

Key-words: belief, creation, psychology, objectivity, science.

Leont'ev A.A. Aleksei Nikolaevich Leont'ev rasskazyvaet o sebe // Voprosy psikhologii. 2003. № 2. S. 40.

Leont'ev A.N. Filosofiya psikhologii. Iz nauchnogo naslediya. M., 1994.